

Ван Сяотянь хотел было ответить: «Сам ты такой!», но от того, что этот тип наступил ему на ногу, внутри всё закипело, словно лёгкие вот-вот взорвутся. Однако, взглянув на внушительный рост Сяо Юйхэна — метр девяносто два, — он немного струсил. Потоптавшись на месте с веником в руках, он наконец насупился и произнёс:

— Извинись передо мной!

Сяо Юйхэн лишь фыркнул. С какой стати? За этот год он не раз помогал Ван Сяотяню, но в ответ не услышал ни единого спасибо, зато каждый день терпел лишь ледяное выражение лица. Раздражённо он бросил:

— Ну уронил я тебя, и что с того?

Ван Сяотянь не ожидал такой наглости и от возмущения лишился дара речи:

— Я... меня ещё никто никогда не бил!

— Тебя давно пора проучить! Целый год ведёшь себя как хочешь, все тебе уступают, ты хоть понимаешь это? Ишь, возомнил себя небожителем! Кто тебя вообще так избаловал? — Сяо Юйхэн закатал рукава. — Мы же мужики. Если не согласен — давай драться. Ты ведь меня на дух не переносишь? Вот и отлично, я тебя сейчас тоже не жалую. Ну, иди сюда.

Сяо Юйхэн поманил его пальцем:

— Ну же, иди.

Ван Сяотянь и сам хотел броситься на Сяо Юйхэна, но, глядя на его мощную фигуру, понимал: если полезет с голыми руками, тот его одним ударом отправит в нокаут. Однако ярость в душе разгоралась всё сильнее, и он, не желая уступать в решимости, замахнулся веником:

— Иду так иду!

На венике оставались капли воды, и после взмаха Ван Сяотяня Сяо Юйхэн тут же отскочил на несколько шагов назад. А вот Толстяк, который в это время был поглощён игрой, увернуться не успел — на его спину попали брызги.

Толстяк обернулся, долго и пристально разглядывал веник в руках Ван Сяотяня, а затем спросил:

— Этот веник... из туалета?

Ван Сяотянь промолчал, а Сяо Юйхэн кивнул. Толстяк издал вопль, бросил свой данж и, сбега из комнаты, принялся с отвращением срывать с себя одежду.

Единственное, что Ван Сяотяню нравилось в Толстяке, — это его чистоплотность.

Ван Сяотянь несколько секунд смотрел на выбежавшего Толстяка, затем перевёл взгляд на веник в своих руках, а после — на Сяо Юйхэна. Внезапно он направил веник прямо на кровать Сяо Юйхэна.

Сяо Юйхэн напрягся и сделал шаг вперёд, но Ван Сяотянь тут же придвинул веник ближе, успешно заставив того отступить.

Глаза Ван Сяотяня засияли, он посмотрел на веник совсем другими глазами.

Божественный артефакт!

— Положи веник, — Сяо Юйхэн представил, как уборщик чистит этим инструментом грязные унитазы, и его замутило. — Разве это поступок настоящего мужчины — махать туалетным веником?

Но Ван Сяотянь не собирался расставаться с артефактом. Видя, что Сяо Юйхэн брезгует, он снова придвинул веник к его кровати:

— Извиняйся! Иначе это так не закончится!

Выкрикнув это, Ван Сяотянь обиженно дёрнул свою футболку:

— Уронил меня, да ещё и наступил! Тут такой след от ботинка остался!

Сяо Юйхэн парировал:

— А ты мне головой в «младшего брата» врезал.

Помолчав, он добавил:

— Вообще-то, это ты поступил куда жёстче. Я всего лишь хотел тебя уронить, а ты решил сделать меня евнухом. Какая низость, ну ты и тип, честное слово.

Ван Сяотяня от его слов бросило то в жар, то в холод. Тогда, в порыве ярости, он и правда боднул его головой — сейчас он об этом жалел, поэтому машинально коснулся лба:

— Мне самому от этого тошно.

Сяо Юйхэн не удержался от смешка:

— Тогда не надо было биться.

— Ты первый начал! — Ван Сяотянь не мог проглотить эту обиду. — Быстро извиняйся!

Сяо Юйхэн отвернулся:

— Нет.

Ван Сяотянь задрожал от гнева, и веник снова приблизился к кровати Сяо Юйхэна. Сяо Юйхэн тоже нервничал: если этот веник, побывавший в туалете, коснётся его постели, он не просто побьёт Ван Сяотяня — он вышвырнет его с седьмого этажа.

— Посмей только коснуться моей кровати этим веником, — пригрозил он, — и я тебе голову оторву!

Ван Сяотянь вздрогнул, но сжал веник ещё крепче, не отводя взгляда от Сяо Юйхэна.

А затем, на глазах у остолбеневшего Сяо Юйхэна, он осторожно, самым кончиком веника, коснулся края кровати.

— Ван! Сяо! Тянь!

Ван Сяотянь бросил веник и бросился наутёк.

Сяо Юйхэн, будучи выше и длинноногее, нагнал его уже у лестницы, поймав за шиворот.

— Бежать вздумал? Куда собрался?! — Сяо Юйхэн, обхватив Ван Сяотяня, волоком потащил его обратно в общежитие.

— Отпусти! — Ван Сяотянь отчаянно брыкался, его стройные ноги в джинсах мелькали в воздухе, но против крепких рук Сяо Юйхэна это не помогло.

Шум привлёк внимание тех, кто ещё не разъехался по домам. Они открывали двери комнат, чтобы поглазеть на представление. Оба парня были знаменитостями: про Сяо Юйхэна и говорить нечего, а слава Ван Сяотяня как Цветка на высокой вершине уже давно разнеслась по всему институту. Даже те, кто учился на других факультетах, узнали их, а любопытные начали снимать всё на телефоны.

Ван Сяотянь, пылая от стыда и злости, закричал ещё громче:

— Твою мать! Быстро отпусти меня! Иначе пожалеешь!

— Кто ещё о чём пожалеет? — Сяо Юйхэн силой втащил его в комнату и под любопытными взглядами зевак пнул дверь, захлопывая её.

Толстяк уже вернулся, с влажным полотенцем на шее. Увидев, что Сяо Юйхэн собирается проучить Ван Сяотяня, он начал подзадоривать:

— Староста! Бей! Бей до смерти!

Сяо Юйхэн бросил на него косой взгляд:

— Иди в свои игры играй.

Сказав это, он швырнул того, кого держал в руках, на свою кровать.

Хм? Зачем он бросил его на кровать, если собирался бить? Сяо Юйхэн почувствовал, что что-то не так, но в порыве гнева не придавал этому значения. Он навалился на Ван Сяотяня, левой рукой схватил его за воротник футболки, приподнимая, а правой сжал кулак.

Ван Сяотянь инстинктивно закрыл голову руками, его лицо стало бледнее мела. Но прошли секунды, а Сяо Юйхэн не двигался. Ван Сяотянь, дрожа от страха, выглянул через щель между руками и увидел, что Сяо Юйхэн смотрит на него со сложным выражением лица.

Сяо Юйхэн уже сжал кулак, но понял, что не может ударить. Если бы Ван Сяотянь был похож на свинью, он бы давно превратил его в отбивную, но этот парень был таким изящным, с тонкими чертами лица и алыми губами. Несмотря на рост метр семьдесят девять, он был до того хрупким, что Сяо Юйхэн испугался: один удар — и тот отдаст концы.

Бить по лицу — жалко. Бить по телу — вдруг сломает рёбра. Ноги? Слишком жестоко. Сяо Юйхэн, прижав Ван Сяотяня к кровати, долго раздумывал, осматривая его, пока не решил, какое место подходит для наказания.

Он перевернул его, и, пока Ван Сяотянь не успел опомниться, схватил валявшуюся на полу тапочку и со всей силы опустил на его ягодицы.

— Шлёп!

Ван Сяотянь замер, уткнувшись в постель. Он почувствовал, как ягодицы обожгло болью, а затем всё его лицо залилось краской — он был в ярости.

— Сяо Юйхэн! Хочешь бить — бей! Зачем по заднице...

Не успел он договорить, как Сяо Юйхэн снова опустил тапочку на его ягодицы. Громкий звук удара принёс восемнадцатилетнему парню какое-то странное удовлетворение.

— Ах ты...

— Шлёп!

Сяо Юйхэн холодно посмотрел на него:

— Что «ах ты»? Хочешь, чтобы я этой тапочкой тебе по губам надавал?

— Сволочь...

— Шлёп!

Сяо Юйхэн снова врезал ему по заднице:

— Всё ругаешься? Студент, а выражаться не умеешь?

— Ты...

Сяо Юйхэн снова занёс тапочку. Ван Сяотянь испугался — после четырёх ударов ягодицы горели огнём. Сяо Юйхэн видел, что мяса там достаточно, и не сдерживался, бил со всей силы.

Увидев, что Ван Сяотянь притих, Сяо Юйхэн подождал немного, убедился, что тот присмирел, бросил тапочку на пол и почувствовал облегчение.

Краем глаза он заметил, что Толстяк снимает всё на телефон. Сяо Юйхэна это не волновало, он скомандовал лежащему парню:

— Стирать моё постельное бельё.

На самом деле, когда Ван Сяотянь коснулся кровати туалетным веником, Сяо Юйхэн уже решил выбросить этот комплект. Пусть Ван Сяотянь лишь слегка задел кончиком веника самый край, Сяо Юйхэн не мог этого стерпеть.

Лежащий на кровати парень повернулся, и Сяо Юйхэн замер: оказывается, лицо этого красавца было в слезах — он довёл его до слёз.

Ван Сяотянь плакал не от боли, а от унижения. Прожив двадцать лет, он знал, что не сходится с людьми, но никогда не делал им зла. Ну да, он был одиночкой, держался отстранённо, но разве за это нужно так избивать?

— Я пойду к куратору, — Ван Сяотянь зло вытер слёзы рукавом. Он был уверен в своей правоте, он не сделал ничего плохого, и куратор обязательно ему поможет.

Сяо Юйхэн пришёл в себя и неловко потёр нос. Он не боялся жалобы, просто слёзы Ван Сяотяня вызвали у него чувство вины.

Взрослый мужик — и расплакался из-за четырёх шлепков?

Нелепо.

Радость от победы улетучилась, сменившись странным чувством вины и досадой. Сяо Юйхэн посмотрел на распухшие глаза и розовый нос Ван Сяотяня и сказал:

— Куратор тебе не поможет.

Будучи старостой и членом студенческого совета, он знал, за какие проступки наказывают, а его наказание не тянуло на выговор. Не напишут же в отчёте: «Сяо Юйхэн из группы программной инженерии получил взыскание за то, что четыре раза шлёпнул однокурсника».

Но в голосе Сяо Юйхэна Ван Сяотянь услышал лишь высокомерие и властность. Он знал, что тот богат, влиятелен и постоянно обедает с куратором — разве жалоба поможет?

Нет.

Ван Сяотянь поджал губы, а затем...

Склонился перед тёмными силами.

Он с ненавистью взглянул на Сяо Юйхэна, с трудом поднялся с кровати и под взглядами Сяо Юйхэна и Толстяка молча принялся снимать простыню.

Если бы Ван Сяотянь не плакал, Сяо Юйхэн заставил бы его стирать всё. Но он расплакался, и Сяо Юйхэн передумал:

— Забудь, не надо стирать. Я всё равно выброшу этот комплект.

Ван Сяотянь бросил на него мрачный взгляд, но не остановился. На глазах у обоих он снял простыню, запихнул её в своё ведро, взял мыло и щётку и вышел.

Толстяк всё ещё держал телефон, но Сяо Юйхэн, пребывая в дурном настроении, отобрал его, бросил на кровать Толстяка и пошёл следом за Ван Сяотянем.

В туалете никого не было. Ван Сяотянь уже наливал воду в ведро. Сяо Юйхэн попытался остановить его:

— Я же сказал, не надо. Даже если ты выстираешь, я это не возьму.

Ван Сяотянь с силой оттолкнул его руку и посмотрел на него как на сумасшедшего:

— У тебя есть деньги, чтобы так ими разбрасываться? Хочешь, я трижды выстираю?

Ван Сяотянь вспомнил детство. Когда младшую сестрёнку только привезли в их дом, семья из

восьми человек жила так бедно, что они боялись включать электричество и по вечерам зажигали керосиновую лампу. Однажды керосин пролился на постель, но, поскольку запасных одеял зимой не было, они не стали их менять. Разве они с сестрой не спали так несколько ночей подряд? По ночам в носу стоял запах керосина, но разве он жаловался родителям?

Ван Сяотянь с ещё большей решимостью принялся стирать простыню. Сяо Юйхэн, не в силах переубедить его, встал рядом. На душе стало ещё тоскливее, и он невольно вытащил из кармана сигареты.

Ван Сяотянь тут же злобно зыркнул на него своими чёрными глазами:

— Хочешь курить — вали из туалета!

Сяо Юйхэн не курил, когда поступил в университет, но круг общения был широким, и со временем он втянулся. Впрочем, он не был похож на Дуань Цэ, который не мог прожить и дня без пачки сигарет, — курил лишь изредка.

Однако под яростным взглядом Ван Сяотяня он молча убрал пачку обратно в карман. В туалете воцарилась тишина, слышно было лишь, как щётка с силой трёт ткань.

Спустя долгое время Сяо Юйхэн озадаченно спросил:

— Ван Сяотянь, чем именно я тебя так раздражаю?

Ван Сяотянь не ответил, приняв вопрос за провокацию. И точно, этот тип, видя, что его игнорируют, подошёл ближе и толкнул его плечом:

— Отвечай. Ты же обычно такой прямолинейный?

Ван Сяотяня оттолкнуло в сторону, он чуть не врезался в стену. Сяо Юйхэн замер, увидев его мрачный, полный злобы взгляд, и неловко улыбнулся.

Этот парень такой лёгкий? Он же даже силы не приложил, как его могло так отбросить?

Ван Сяотянь с каменным лицом вернулся на место и продолжил тереть простыню. Сяо Юйхэн не унимался:

— Ну скажи, почему ты меня ненавидишь? М?

Ван Сяотянь раздражался всё больше. Понимая, что если не ответит, тот не отстанет, он процедил:

— Мне не нравятся такие, как ты, кто бездумно тратит родительские деньги.

Сяо Юйхэн понял:

— Завидуешь богатству?

Ван Сяотянь недовольно возразил:

— Нет. Просто терпеть не могу таких мажоров, как ты. Ничего из себя не представляете, а сорите деньгами направо и налево!

Помолчав, он добавил, чувствуя, как внутри поднимается ненависть и горечь:

— И я ненавижу не то, что у тебя оценки лучше моих. Я не могу смириться с тем, что ты, вечно гуляющий и развлекающийся, обходишь меня, того, кто грызёт гранит науки! Ненавижу, что тебя сразу назначили старостой, ненавижу, что девушки любят тебя только за происхождение. Всё, абсолютно всё в тебе меня бесит!

Ван Сяотянь говорил всё более возбуждённо, невольно поднял голову и приблизился к Сяо Юйхэну, выкрикивая ему в лицо:

— С чего бы тебе всё это получать?! Ты ведь палец о палец не ударил!

Ван Сяотянь чувствовал себя таким жалким, глядя на Сяо Юйхэна. Свои оценки он заработал бессонными ночами за учебниками, деньги на жизнь — помогая отцу продавать овощи на рынке. У него не было друзей, он не старался их завести, и это он принял. Но Сяо Юйхэн? Его существование ежесекундно напоминало ему:

«Как бы ты ни старался, меня не догнать. Я — любимец небес, за моей спиной сама судьба. Все эти разговоры о том, что человек может изменить свою участь — лишь шутка. Ты никогда не достигнешь моих высот».

Ван Сяотянь опустил голову, сжимая кулаки:

— Таким, как ты... лучше бы жить в сериалах. Зачем приходить в реальность?

Он снова принялся тереть простыню, бормоча под нос:

— И даже ненавидеть нельзя? Все должны тебя любить? Псих.

Сяо Юйхэн, выслушав этот поток жалоб, замер. Лишь спустя долгое время он пришёл в себя и, странно и сложно глядя на профиль Ван Сяотяня, произнёс:

— Твоя зависть... просто невероятна...

Ван Сяотянь в ярости ударил кулаком... по простыне Сяо Юйхэна. Он хотел что-то ответить, но, взглянув на дорогую ткань в ведре, приуныл. Смирившись, он открыл кран и начал смывать пену.

Сяо Юйхэн тоже замолчал. В туалете стало тихо. Ван Сяотянь сдержал слово и добросовестно

прополоскал простыню три раза, после чего с ведром вернулся в комнату. Сяо Юйхэн следовал за ним по пятам с задумчивым видом.

В этот момент в его кармане зазвонил телефон. Сяо Юйхэн достал его, посмотрел и ответил:

— Мам... ты приехала за мной?

Сяо Юйхэн выглянул с балкона и увидел чёрный седан, припаркованный у общежития. Он слегка нахмурился:

— Мне уже восемнадцать, неужели я не могу сам добраться домой? Зачем приезжать...

Он не успел договорить — Ван Сяотянь, развешивающий простыню, пнул его. Сяо Юйхэн недоумённо посмотрел на него, а тот, сжимая в руках дешёвую пластиковую вешалку, холодно и отстранённо взглянул на него своими чёрными глазами:

— Родители приехали забрать тебя — будь благодарен!

— ... — Сяо Юйхэн смягчил тон: — О, я понял.

Неизвестно, отвечал ли он Ван Сяотяню или матери, но добавил в трубку:

— Я сейчас спущусь.

Он повесил трубку.

Посторонним запрещено входить в общежитие, кроме дней заселения, и даже сейчас, когда начались летние каникулы, правила действовали. Семья Сяо Юйхэна ждала внизу. Ван Сяотянь, развешивая длинную простыню, посмотрел вниз. С седьмого этажа он смутно видел стройную женщину, прислонившуюся к чёрному седану. На ней был строгий деловой костюм, а лицо наполовину скрывали большие чёрные очки — выглядела она очень эффектно.

«Они что, все из сериалов вышли?» — озадачился Ван Сяотянь. В реальности редко встретишь таких стильных людей, даже самые модные студентки в институте не обладали такой аурой неприступности.

Хотя, если говорить об «ауре неприступности», никто в институте не мог сравниться с самим Ван Сяотянем.

Титул «Цветка на высокой вершине» не зря к нему прилип — девушки питали к нему смешанные чувства любви и ненависти.

Заметив, что Ван Сяотянь смотрит на его мать, Сяо Юйхэн невольно улыбнулся и толкнул его локтем:

— Красивая, правда?

Ван Сяотянь отвёл взгляд, сердито посмотрел на него, затем аккуратно повесил простыню на высокую сушилку. Закончив, он обернулся и увидел, что Сяо Юйхэн всё ещё стоит рядом, расслабленный и довольный. Это его разозлило:

— Твоя мама ждёт! Не видишь, что ли? Иди собирайся!

Сяо Юйхэн, услышав окрик, очнулся, послушно вошёл в комнату и начал собирать вещи. Ван Сяотянь мельком глянул — тот справлялся довольно быстро, и, успокоившись, залез на свою кровать.

В следующем семестре он обязательно должен занять первое место.

Человек может изменить свою участь.

Ван Сяотянь вытащил из стопки книг на кровати сборник заданий для экзамена по английскому.

Он успел прорешать полстраницы, когда кто-то коснулся его бедра. Ван Сяотянь обернулся: Сяо Юйхэн просунул руку сквозь перекладины кровати.

«Чего?» — нетерпеливо спросил Ван Сяотянь взглядом. Сяо Юйхэн смотрел на него своими глубокими карими глазами, в которых читалось что-то неясное. Посмотрев так некоторое время, он низким, приятным голосом произнёс:

— Несмотря на то что ты меня ненавидишь, я тебя довольно сильно люблю. Увидимся в следующем семестре.

Сказав это, он усмехнулся, помахал рукой, закинул на плечо фирменный рюкзак и ушёл.

Ха?

Ван Сяотянь смотрел ему вслед, чувствуя, как по коже пробежали мурашки от его слов.

Кто просил тебя меня любить?

Псих.

<http://bllate.org/book/21763/2250529>